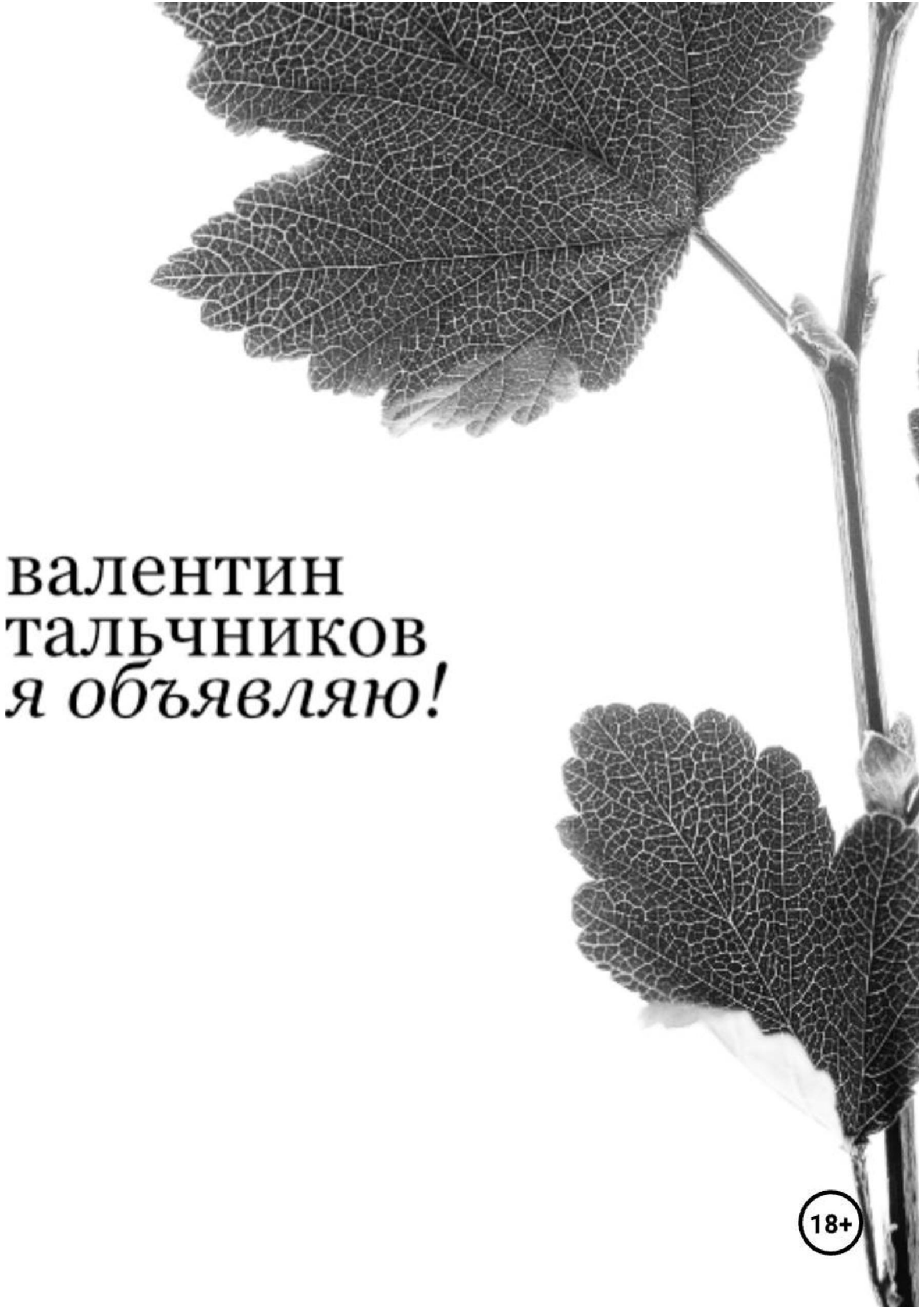

A black and white photograph of a branch with large, serrated leaves. The leaves are dark and have a prominent vein pattern. The branch is thin and runs vertically on the right side of the image. The background is white.

ВАЛЕНТИН
ТАЛЬЧНИКОВ
я объявляю!

18+

Валентин Тальчников

Я объявляю!

«Автор»

2026

Тальчников В.

Я объявляю! / В. Тальчников — «Автор», 2026

Ноябрь, переходящий в глухую зиму. Четвертый этаж больничного корпуса, пропитанный запахом карболки, хлорамина и остывающего цитостатика. Десятилетний Митя проходит тяжелое лечение от лейкоза, но его личная битва давно вышла за пределы палаты: он верит, что удерживает связь со всей страной через неработающий студийный микрофон, который не выпускает из рук даже во сне. Пока взрослые делят койки под нужды эвакуации, путают дозировки и прячут глаза за фальшивой бодростью, мальчик день за днем репетирует интонации легендарных дикторов. Его цель — зачитать главный правительственный указ о прекращении бесконечной бойни, в которую ввязалось государство. Чем слабее становится пульс Мити, тем ближе подходит к платформе долгожданный зеленый поезд, несущий мир... Но в реальности граница между спасительным бредом и врачебной халатностью оказывается смертельной ловушкой.

© Тальчников В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Валентин Тальчников

Я объявляю!

Глава 1

За стеклом больничного окна ноябрь окончательно терял остатки золота, сдаваясь серой, липкой крупе, больше похожей на ледяную пыль, чем на снег. Деревья в сквере казались обугленными скелетами, замершими в ожидании настоящих морозов, а в палате пахло спиртом, застоявшимся паром от радиаторов и лекарственной усталостью.

Длинная флуоресцентная лампа на потолке тихо, монотонно гудела. В такт ее гулу, с неумолимой размеренностью, падала капля за каплей в прозрачном пластиковом резервуаре: раз, два, три. Тонкая прозрачная трубка тянулась к худенькой, почти полупрозрачной руке десятилетнего Мити, зафиксированная на сгибе локтя пластырем с нарисованным выцветшим медвежонком. Врачи говорили маме, что вовремя, что успели, что это лишь начало пути и шанс очень высок, но само слово, тихо прошептанное в коридоре, все равно нависало над палатой тяжелым стеклянным колпаком.

Митя полулежал на высокой подушке, укутанный казенным колючим одеялом до самой груди. Пальцы его свободной руки были сжаты вокруг черного решетчатого цилиндра — старого динамического микрофона с потертым шнуром, срезанным у самого основания. Микрофон был тяжелым, холодным, пахнущим металлом и старой студийной тканью. Митя не выпускал его никогда: с ним он ходил на бесконечные анализы, с ним сжимался калачиком, когда к вечеру начинало тошнить, с ним засыпал, прижимая рукоятку к подбородку, точно мягкую игрушку.

Мама задремала в ногах, уронив голову на скрещенные руки. Ее плечи мелко вздрагивали от сквозняка, который пробивался сквозь старые деревянные рамы.

Митя медленно, стараясь не тревожить катетер, поднес металлическую сетку к самым губам. В палате не было акустических колонок, не было кабелей, уходящих в передатчики, но в его голове этот микрофон подключался к небу, к спутникам, к миллионам серых экранов в домах, где сейчас женщины сидели у включенных радиоприемников, боясь услышать имена своих сыновей и братьев.

Там, далеко за заснеженными полями, уже который год длилось то огромное, бессмысленное и жадное, чему взрослые давали строгие, грозные имена. Земля там вздрагивала день и ночь, города превращались в серый раскрошенный бетон, а поезда увозили вдаль всё новые составы, полные растерянных глаз, и возвращали назад лишь тишину. Мама переключала новости каждый раз, когда начинали показывать карты со стрелками, но Митя знал: мир давно запутался в этой колючей проволоке, и никто не знал, как расцепить узлы.

Мальчик закрыл глаза. Флуоресцентный свет сквозь тонкие веки казался розовато-белым туманом.

Он почувствовал, как металлическая головка микрофона нагревается от его слабого, неровного дыхания.

— Внимание, — прошептал он в тишину палаты, и голос его, глухой от сухости во рту, казался ему раскатистым, заполняющим каждую площадь, каждый окоп и каждую замерзшую кухню. — Говорит центральная студия. Пожалуйста... выключите сирены. Положите оружие. Все уже закончилось.

За окном порыв ветра швырнул горсть снежной крупы в темное стекло. Капельница ответила методичным: *кап... кап...*

Митя прижал микрофон чуть плотнее к щеке, чувствуя, как его ледяная сталь забирает больничный жар.

— Больше никто никуда не идет, — с трудом сглотнув, добавил он, глядя на спящую маму и ее поседевший пробор. — Они сказали, что мы возвращаемся домой. Все до одного.

Он выдохнул, улыбнулся одними уголками потрескавшихся губ и опустил веки. Пальцы продолжали крепко сжимать рукоятку, словно отпусти он ее хоть на секунду — и за окном снова начнется бесконечный, разрывающий землю грохот. В палате гудела лампа, медленно плыло ноябрьское лекарство, и в этой хрупкой, застывшей тишине на мгновение наступил мир.

Глава 2

Химия пахла металлом и мокрым мелом. Она поднималась к горлу к четырем часам дня, когда за окном начинались синие, тяжелые сумерки, а в коридоре отделения гематологии санитарка начинала возить шваброй по линолеуму, разнося едкий дух хлорки. В это время свет флуоресцентных ламп становился особенно безжалостным — он выбеливал лица до синевы, превращая всех в отделении в тени.

Митя знал, что дикторы никогда не кашляют в эфире. У них не дрожат колени, и они не плачут, когда игла «бабочки» ищет ускользающую вену на иссушенном предплечье.

Мама на тумбочке оставила старый планшет с разбитым углом. Пока она уходила на пост за вечерними таблетками, Митя пересматривал архивные записи, которые находил тайком, убавляя звук почти до нуля. Он вглядывался в черно-белые и зернистые цветные кадры, как в иконы.

Вот Юрий Левитан — человек, чей голос мог остановить движение на улицах, заставить замереть целые заводы, голос из тяжелого чугуна и гранита, возвещавший о победах, когда вокруг лежали только руины. Вот Игорь Кириллов — безупречный пробор, идеальный темный пиджак, паузы длиной ровно в два удара сердца, интонации, от которых даже запуск ракеты в ледяную пустоту космоса казался домашним, спокойным и неизбежным. Вот Виктор Балашов, говоривший с фронтовой прямоотой, не моргая перед слепящими софитами.

Они умели держать паузу. Митя учился этому. Он закрывал глаза и представлял себе красный сигнал студийного табло: «В ЭФИРЕ». В его воображении этот прямоугольник горел прямо над дверью палаты, вместо таблички с надписью «Бокс № 4».

— Открой рот, Мить, — медсестра Тамара, пахнувшая дешевым кремом «Ромашка» и сигаретами, которые она курила на черной лестнице, заглянула через ширму со шпателем в руке. — Температуру смерим. Опять микрофон не положил? Давай его сюда, испачкаешь ведь.

Митя только плотнее прижал локоть к ребрам, пряча рукоятку под одеяло. Пальцы побелели от напряжения. Он не отдаст. Без микрофона он был просто худым стриженным мальчиком с лейкоцитами на нуле, чье тело медленно перемалывала токсичная капельница. С микрофоном он был последним узлом связи.

— Пусть лежит, Тома, — тихо сказала вернувшаяся мама, ставя на тумбочку мензурку с мутной суспензией. — Он не мешает.

Тамара махнула рукой, сунула электронный градусник Мите под мышку и пошла проверять соседний штатив.

Когда дверь закрылась, Митя снова приподнялся на локте. Голова кружилась — резкий прилив тошноты заставил сжать зубы. Он подождал, пока волна отступит, выровнял дыхание, как делал Кириллов перед чтением правительственных сообщений, и поднес холодную металлическую сетку к губам.

— Внимание. Передаем важное правительственное сообщение, — произнес он чуть хриплым, ломким шепотом, стараясь придать связкам ту самую гранитную, левитановскую глубину. — Сегодня, в семнадцать часов ноль-ноль минут... огонь прекращен на всех направлениях.

Он посмотрел на капельницу. Капля повисла, на секунду замешкалась и сорвалась вниз.

— Стороны приступили к отводу тяжелой техники. Дороги открыты. Повторяю: эшелоны идут только на восток и на запад, по домам. Все санитарные поезда расформированы за ненадобностью.

Он сделал выверенную, строгую двухсекундную паузу. В коридоре кто-то тяжело покатила каталку, колесо на стыке кафеля издало сухой щелчок, похожий на далекий выстрел.

— Граждане могут вернуться на свои улицы, — тихо закончил Митя, глядя на то, как за окном чернеет мокрый асфальт, покрываясь коркой льда. — Опасность миновала. Мы выстояли.

Он опустил микрофон на грудь, прямо над тем местом, где сердце билось часто и тонко. Металл больше не казался ледяным — он нагрелся от его тела, сохраняя тепло, которого снаружи с каждым часом становилось всё меньше.

Глава 3

У капельниц были свои имена и свои должности.

Ту, что стояла ближе всех к кровати, высокую, с тремя стальными рожками, Митя звал Инженером. Инженер был строг, пах прозрачным физраствором и никогда не торопился: его капли падали с равными промежутками, ровно шестьдесят в минуту, будто отсчитывая секунды до прямого эфира. Вторая, пузатая пластиковая бутылка в темном светозащитном пакете, звалась Ассистентом. Она шипела в роликовом зажиме, когда раствор шел слишком туго, и от нее во рту сразу появлялся кислый привкус жженой резины.

— Ты держи уровень, понял? — негромко говорил Митя, глядя, как пластиковая камера Инженера наполняется прозрачной влагой. — Если сорвешь подачу, передатчик погаснет. Нам нельзя гасить сигнал. Там люди сидят в бомбоубежищах без света, они ждут сводку.

Капельница ответила тихим, едва слышным щелчком расширяющегося пластика.

— Вот и молодец, — кивнул Митя, поправив одеяло. — Главное — не фонить.

С ними было просто: они не задавали вопросов, не просили сжать кулак и не смотрели поверх очков тем особенным, бесконечно усталым взглядом, который появлялся у взрослых, когда они читали распечатки анализов.

Врачей Митя боялся совсем иначе, чем боли. Боль была понятна — она жгла вену, скручивала желудок в тугой узел, ломала кости по ночам так, будто кто-то выкручивал суставы ржавыми плоскогубцами. К боли можно было привыкнуть, как привыкают к постоянному гулу сирен за окном.

Врачи были страшны другим: они были теми, кто распределял людей по спискам.

Они ходили по отделению группами по три-четыре человека, шурша крахмальными халатами, пахнувшими антисептиком и тяжелым казенным кофе. В руках они всегда держали жесткие пластиковые папки с зажимами. Митя видел похожие папки в хрониках: офицеры в серых шинелях стояли над такими же планшетами где-то в сырых штабных палатках и решали, какую роту отправить вперед по открытому льду, а какую оставить в резерве.

Когда дверь бокса распаивалась и на пороге появлялся лечащий, Павел Андреевич — грузный, с коротко стриженными седыми волосами и холодными, сухими пальцами, — Митя машинально прятал микрофон под подушку и замирал, вжимая голову в плечи.

— Ну что, боец? — голос Павла Андреевича звучал слишком громко для этой маленькой палаты, фальшиво-бодро. — Как наши тромбоциты? Снова капризничают? Давай-ка посмотрим живот. Рубашку задери.

Митя ненавидел этот момент. Прикосновение стетоскопа к голой коже обжигало холодом, мембрана казалась ледяной монетой. Павел Андреевич надавливал ладонью под ребра — глубоко, неприятно, выскивая внутри то, чего там быть не должно было. Мальчик прикусывал губу, чтобы не пискнуть, и смотрел в потолок, на мутное пятно от старой протечки, похожее на контур чужой границы.

Врачи забирали части Мити. Они брали кровь из пальца, кровь из вены, однажды — длинной страшной иглой прямо из тазовой кости, пока мама стояла за дверью и беззвучно вытирала щеки рукавом кофты. Они взвешивали его каждый вторник на скрипучих весах, и с каждым разом цифра становилась чуть меньше, словно его постепенно стирали ластиком.

Митя был уверен: если врачи узнают про микрофон, они заберут и его. Они запишут его в графу «посторонние предметы, нарушающие стерильный режим», упакуют в желтый пакет для медицинских отходов и выбросят в автоклав. А вместе с микрофоном исчезнет единственная связь. Тот последний провод, по которому он еще мог скоординировать: *«Прекратить огонь»*.

— Динамика волнообразная, — сказал Павел Андреевич маме, не глядя на Митю, и что-то быстро черкнул шариковой ручкой в истории болезни. — Продолжаем блок по протоколу. К вечеру прокапаем антибиотик, температура может скакнуть. Следите за катетером.

Дверь за белыми халатами закрылась с тихим шелчком замка.

Митя выждал минуту. Дождался, пока шаги в коридоре стихнут, отдаваясь в сторону ординаторской.

Тогда он медленно вытащил руку из-под подушки, нащупал ребристую сталь и подтянул микрофон к груди. Пальцы мелко дрожали от пережитого напряжения.

— Инженер, доложи обстановку, — шепотом спросил он у штатива, чувствуя, как под кожей снова начинает неметь предплечье.

Капля оторвалась от пластикового конуса и бесшумно разбилась о дно.

— Понял тебя, — Митя закрыл глаза и прижал сетку к подбородку. — Патрули прошли. Продолжаем передачу. Говорит временный пункт связи... Всем постам: сохраняйте тишину. Помощь уже в пути. Дождитесь утра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.